

Культурная антропология и исследования актуальных традиций

УДК 27-526.64

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-10-29

Святой & исторический деятель: монументы «двойного назначения» в культуре памяти современной России

Людмила Б. Сукина

*Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН,
Переславль-Залесский, Россия, lbsukina@gmail.com*

Аннотация. Скульптурные памятники святым – характерное явление религиозного и культурного ландшафта в современной России. Они уже стали массовой традицией, и на них распространились стратегии социальных взаимодействий с монументами, свойственные актуальной городской среде. Последнее обстоятельство зафиксировано в том числе в новейших научных исследованиях фольклора и антропологии города. В статье рассматривается одна специфическая группа памятников святым, которой пока еще не уделялось специального внимания. Это монументы светским лицам, удостоенным святости после смерти, иногда даже спустя большой промежуток времени. Как правило, это государственные деятели или военачальники, сыгравшие значительную роль в истории России. Многие из таких памятников сочетают в себе черты гражданских монументов герою или основателю города и объектов религиозного культа, сопровождаемых соответствующей символикой и атрибутикой. Это сочетание позволяет им выполнять функции «двойного назначения»: их используют и как «места памяти» в ритуалах, связанных с формированием определенной исторической идентичности, и в православных религиозных церемониях. Такая двойственность выражается не только в смешении в общественном сознании элементов светской и церковной коммеморации. Она проявляется и в индивидуальном благочестии, в котором представления о «святости» конкретной исторической персоны переносятся на скульптурный образ.

Ключевые слова: современная Россия, культура памяти, коммеморация, памятник, исторический деятель, место памяти, почитание святых

Для цитирования: Сукина Л.Б. Святой & исторический деятель: монументы «двойного назначения» в культуре памяти современной России // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 10–29. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-10-29

© Сукина Л.Б., 2022

Saint & historical figure.
“Dual purpos” monuments in the culture
of memory of new Russia

Lyudmila B. Sukina

*Aylamazyan Program Systems Institute of RAS, Pereslavl-Zalessky,
Russia, lbsukina@gmail.com*

Abstract. Sculptural monuments to saints are a characteristic phenomenon of the religious and cultural landscape in new Russia. They have already become a mass tradition and moreover strategies of social interactions with monuments characteristic of the current urban environment have spread to them. The latter circumstance is recorded, among other things, in the latest scientific research of urban folklore and anthropology. The article deals with one specific group of monuments to saints which has not yet received special attention. These are monuments to secular persons who were awarded holiness after death, sometimes even after a long period of time. As a rule, these are statesmen or military leaders who have played a significant role in the history of Russia. Many of such monuments combine the features of a civil monument to the hero or the city and of an object of religious worship, accompanied by appropriate symbols and attributes. That combination allows them to perform the functions of ‘dual purpose’: they are used both as ‘Memory space’ in rituals associated with the formation of a certain historical identity and in Orthodox religious ceremonies. Such a duality is expressed not only in the mixing of elements of secular and church commemoration in the public consciousness, but also manifests itself in individual piety in which the representations of the ‘holiness’ of a particular historical person are transferred to the sculptural image.

Keywords: new Russia, culture of memory, commemoration, monument, historical figure, Memory space, veneration of saints

For citation: Sukina, L.B. (2022), “Saint & historical figure. ‘Dual purpos’ monuments in the culture of memory of new Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural studies” Series*, no. 2, pp. 10–29, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-10-29

Традиция увековечивания памяти о деятелях прошлого с помощью установки скульптурного монумента начала складываться в Российской империи в эпоху Просвещения, поэтому и носила преимущественно светский характер¹. Религиозный элемент в этой

¹ Первым монументом государственному деятелю в России стал памятник Петру I в Петербурге («Медный всадник» Э. Фальконе), открытый в 1782 г. Прижизненное конное изображение царя Петра работы К.-Б. Растрелли было установлено позднее [Каганович 1975].

форме исторической коммеморации выражался в форме ритуала освящения духовенством открываемого памятника. Кроме того, он мог присутствовать имплицитно в виде второстепенных в композиции памятника и малозаметных для зрителя символов (крест и т. п.) или персонажей, связанных с историей церквей (например, на памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде)².

Скульптурные памятники святым стали характерным явлением религиозного и культурного ландшафта уже в современной России. Во второй половине 1990-х гг., когда оно только формировалось, в прессе шли бурные дискуссии о самой возможности оказания почестей святым, а также христианским догматам, праздникам и иконам в виде установки трехмерных монументов. Отголоски и ответвления этих дискуссий и сегодня продолжают существовать на электронных ресурсах и в социальных сетях. При этом нужно констатировать, что памятники святым в местностях, с которыми они были связаны исторически или легендарно, в наши дни стали уже массовой культурной и религиозной традицией, и на них распространились стратегии социальных взаимодействий с монументами, характерные для актуальной городской среды. Последнее обстоятельство зафиксировано в том числе в новейших научных исследованиях фольклора и антропологии города [Мороз 2018; Радченко 2019].

В данной статье мы рассмотрим одну специфическую группу памятников святым, которой пока еще не уделялось специального внимания. Это монументы светским лицам, удостоенным святости после смерти, иногда даже спустя большой промежуток времени. Как правило, это государственные деятели или военачальники, сыгравшие значительную роль в истории России (Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской, Федор Ушаков и др.). В последнее десятилетие к ним добавились некоторые деятели науки и культуры (например, иконописец Андрей Рублев, хирург В.Ф. Войно-Ясенецкий). Обычно в скульптуре святых не из духовенства изображают в мирском облике, даже если в конце жизни кто-то из них и принял монашество или схиму. Многие из таких памятников сочетают в себе черты гражданских монументов герою или основателю города и объектов

² Отметим, что персоны в священнических и монашеских одеяниях, присутствующие на памятнике, проект которого получил одобрение и поддержку императора Александра II [Захаренко 1957], представлены на опоясывающем его подножие рельефе в группах как «Просветителей», так и «Государственных людей» (к последним отнесены духовник Ивана Грозного Сильвестр и патриархи Гермоген и Филарет).

религиозного культа, сопровождаемых соответствующей символикой и атрибутикой. Это сочетание позволяет им выполнять функции «двойного назначения»: их используют и как «места памяти» [Нора 1999] в ритуалах, связанных с формированием определенной исторической идентичности, и в православных религиозных церемониях. В современной российской социокультурной реальности эти функции часто проявляются в рамках одного общего мероприятия патриотической направленности.

*Апроприация старых
советских монументов
актуальными мемориальными
и религиозными практиками*

В 1990-х гг., когда установка новых памятников еще не приняла такого размаха, который мы можем наблюдать с начала нулевых, к новым практикам коммеморации приспосабливались уже имеющиеся монументы. В первую очередь, это скульптурные изображения Александра Невского, официальная историческая память о котором была «реабилитирована» еще в годы Великой Отечественной войны. В его образе удачно сочетаются качества героя национального прошлого и широко почитавшегося русского святого.

Естественно, в советское время мемориализации подлежала только героическая составляющая биографии князя – полководца, сражавшегося с захватчиками родной земли. Этой задаче лучше всего соответствовала форма бюста, которая широко использовалась тогда и продолжает использоваться сейчас для увековечения памяти выдающихся людей, в том числе героев войны и труда. Следует отметить, что при этом случаи установки памятников Александру Невскому были единичными. Бюсты князя находились в тех местах, с которыми исторически связана его деятельность полководца и правителя. Везде князь был представлен в образе воина, в доспехах и шлеме (Переславль-Залесский, Новгород, Порхов, Владимир). Образное решение всех этих бюстов в той или иной степени восходит к самому раннему и наиболее удачному образцу – памятнику в Переславле-Залесском (1958, скульптор С.М. Орлов) (рис. 1). Изображение иконки на очелье шлема и наперсного образка в данном случае не знак святости и/или благочестия Александра Невского (в то время это было совершенно исключено), а отсылка к стереотипному облику «древнерусского князя», созданному советским кинематографом и изобразительным искусством.

Рис. 1. Памятник Александру Невскому в Переславле-Залесском. 1958 г. Скульптор С.М. Орлов

В 1985 г. в Великом Новгороде был установлен второй, после уже существовавшего бюста, памятник Александру Невскому (скульптор Ю.Л. Чернов). Монумент находится на Александро-Невской набережной Волхова. Он представляет собой стоящую на постаменте одиночную фигуру князя, перепоясанного мечом и держащего шлем в левой руке. Открытие монумента произошло в день годовщины освобождения города от фашистских захватчиков. Притом именно здесь ежегодно в апреле проходит традиционный митинг, посвященный победе на Чудском озере³. Таким образом, в памятнике произошло соединение коммеморации двух событий, разделенных семью веками, но объединенных коллективным представлением о победе над «одним и тем же» противником.

В 1993 г. был открыт большой многофигурный монумент Александру Невскому и его дружине в окрестностях Пскова на горе Соколиха (скульптор И.И. Козлов, архитектор П.С. Бутенко) (рис. 2). Он тоже носит еще почти исключительно светский характер. Формы

³ См.: Памятник Александру Невскому: достопримечательности России, курорт Великий Новгород // VipGeo. URL: https://www.vipgeo.ru/countries/russia_showpl/dostoprimechatelnosti/pamyatnik_aleksandru_nevskomu_velikiynovgorod.html (дата обращения 09.12.2021).

*Рис. 2. Памятник Александру Невскому и его дружине
на горе Соколиха в Псковской области.
1993 г. Скульптор И.И. Козлов*

щитов княжеских воинов и орнамента их одежд перекликаются с элементами архитектуры и декора древнерусских храмов, но никакой другой подчеркнута религиозной символики в оформлении скульптурной композиции нет. Щит самого князя украшает геральдический лев владимирского великокняжеского дома.

Еще в позднее советское и раннее постсоветское время перечисленные памятники стали местами совершения различных воинских и гражданских ритуалов (от возложения венков и цветов в годовщины связанных с именем Александра Невского событий до посещения свадебными кортежами), местом демонстрации патриотических чувств и проявления коллективной исторической памяти. С отказом от прежней идеологии и расширением сферы религиозных практик начал трансформироваться и функционал этих монументов. Постепенно они заняли место памятников вождям революции и основоположникам марксизма как символически (возле них стали проводить общегородские мероприятия, включая как митинги, так и молебны, прием в кадеты и юнармейцы и т. п.), так и физически. Например, в Новгороде бюст Александра Невского (1959, скульптор З.И. Азгур), который первоначально располагался в сквере у исторического комплекса Ярославова дворища,

в 1995 г. перенесли к железнодорожному вокзалу, где раньше стоял бюст К. Маркса⁴. О том, что такое во многом компромиссное реформатирование «места памяти» представляется приемлемым значительной части современного российского общества, в частности, свидетельствует и все еще продолжающееся обсуждение вопроса о памятнике Ф.Э. Дзержинскому / Александру Невскому / Ивану III на Лубянской площади в Москве⁵.

Новые образы и символика

Новым импульсом к церковной мемориализации исторических личностей прошлого стала канонизация в числе девяти подвижников православия благоверного князя Димитрия Донского и преподобного Андрея Рублева на Поместном соборе Русской Православной Церкви, приуроченном к празднованию 1000-летия Крещения Руси⁶. В последующие три десятилетия такая канонизационная практика была продолжена. Одновременно происходила трансформация массовой исторической памяти, усиление в ней религиозной составляющей. Все это постепенно формировало и новые иконографические модели, соответствующие задаче представления образа исторического деятеля, причисленного к лику святых, в монументальной пластике.

С начала 2000-х гг. в официальной риторике упоминание Александра Невского уже не обходится без обозначения его статуса как «святого благоверного князя». Изобразительные средства создания его образа, использованные в памятниках «советской»

⁴ См.: Бюст Александра Невского. Памятник Александру Невскому у вокзала в Великом Новгороде // LOVE-GOROD.RU. URL: <http://love-gorod.ru/velikiy-novgorod/obj/byust-aleksandra-nevskogo> (дата обращения 10.12.2021). Памятник К. Марксу, как сообщали в 2003 г. РИА Новости, оказался на полигоне твердых бытовых отходов, где местные работники соорудили классику марксизма импровизированный мемориал. См.: Каменного Маркса водрузили на городской свалке // РИА Новости. 2003. 2 апреля. URL: <https://ria.ru/20030402/361243.html> (дата обращения 10.12.2021).

⁵ См., например: Что известно о дискуссии вокруг памятника на Лубянской площади // ТАСС-Досье. 2021. 19 февраля. URL: <https://tass.ru/info/10746003> (дата обращения 10.12.2021).

⁶ См.: Канонизация святых: Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси; Троице-Сергиева Лавра, 1988. М., 1988.

традиции, перестали соответствовать и новым представлениям о нем, сформировавшимся в массовом сознании. Но старые монументы являются охраняемыми культурными объектами и потому не могут быть переделаны в согласии с актуальными вкусами и потребностями. Поэтому почти везде возникла ситуация, когда власти и общественность стремятся дополнить или изменить существующую «мемориальную реальность» с помощью установки новых памятников, соответствующих изменившимся обстоятельствам. В абсолютном большинстве предлагаемых скульпторами проектов образ князя, остающийся вполне традиционным, сопровождают элементы, подчеркивающие его «святость» и близость к Церкви. В качестве таковых могут быть использованы фигуры почитаемых церковных деятелей. Так, в Переславле-Залесском рассматривались варианты нового памятника такой иконографии (проект не был осуществлен), при этом скульптурную композицию планировалось установить на той же площади, в центре которой уже находится известный бюст работы С.М. Орлова. Но чаще – это символы и атрибуты, указывающие на «благовение» князя и его окружения (изображение креста на щите и/или в руке, иконки на шлеме, образа Спаса Нерукотворного на стяге и т. п.).

Примечательным казусом замещения старого монумента новым стало появление второго памятника Александру Невскому во Владимире. В 2003 г. белокаменная копия бюста работы С.М. Орлова, стоявшая возле стены Богородице-Рождественского монастыря с 1963 г., была заменена «более достойным» бронзовым скульптурным изображением князя, выполненным владимирским скульптором И.А. Черноглазовым. Александр Невский представлен в рост, с непокрытой головой. Левой рукой он опирается на щит, стоящий острым концом на «земле», а другой прикасается к плечу жестом, напоминающим начало совершения крестного знамения. Согласно информации портала «ПроВладимир», автор объяснял выбранный им образ тем, что хотел изобразить Александра Невского великим князем владимирским, которым тот стал уже в зрелости и, будучи на великокняжеском столе, проявлял не столько боевую отвагу, сколько мудрость и набожность⁷. Любопытна и приводимая сетевыми журналистами мотивация тогдашних городских властей, решивших поменять памятник. Прежний бюст, воспроизводивший, по мнению начальства, облик киноперсонажа в исполнении Н.К. Черкасова, не соответствовал значению князя

⁷ См.: Памятник благоверному князю Александру Невскому // Про Владимир. URL: <https://provladimir.ru/2014/06/11/> (дата обращения 10.12.2021).

в истории города как столицы Северо-Восточной Руси⁸. Этому сугубо гражданскому монументу отвели другое, более скромное место – возле Владимирского юридического института ФСИН РФ.

Во время установки нового памятника расширили площадку перед ним. Здесь теперь проходят церковные и гражданские торжества, в том числе проводы поисковых отрядов к местам сражений Великой Отечественной войны. Прежний бюст используется юридическим институтом как место ведомственных актовых мероприятий⁹.

В течение первого десятилетия XXI в. практика установки памятников историческим деятелям, удостоенным канонизации, принимает все более широкий масштаб. Инициаторами увековечения памяти данных персон выступают, как правило, федеральные, региональные и местные власти, общественные организации патриотической направленности, церковные учреждения, реже связанные с перечисленными институциями частные лица. Интересы заказчиков и желание скульпторов им соответствовать повлияли на формирование определенных иконографических шаблонов, используемых в работе над монументами. Приоритетными остаются традиционные формы гражданской монументальной пластики. Преобладают конные памятники как наиболее «героичный» и торжественный тип памятной статуи. На втором месте находятся стоящие фигуры. Бюстам отводится роль «бюджетного» варианта, когда инициаторы мемориализации стеснены в средствах. Во всех случаях приветствуется «реалистический» стиль, в котором заметно проглядывает и отсылка к классицизму, чаще позднему. Как и в классицистической скульптуре, «святость» создаваемого образа подчеркивают, придавая фигуре изображенного «благочестивую» позу и снабжая его соответствующими жестами. Но современным заказчикам, скульпторам и зрителям этого уже недостаточно. Социокультурная ситуация требует большей наглядности мемориализуемой идеи. Поэтому скульпторы все активнее используют подходящие для этого атрибуты и декор: нимбы, кресты, цитаты из агиографических текстов, иллюстрации отдельных эпизодов церковных житий, сопровождающие персонажи и т. п. При почти полном отсутствии релевантных образцов предыдущих эпох им приходится импровизировать и предлагать новые вариации уже существующей иконографии, часто идущие в ущерб общему пластическому решению, придающие фигурам и композициям излишнюю дробность и неуместную декоративность.

⁸ См.: Памятник благоверному князю Александру Невскому // ПроВладимир. URL: <https://provladimir.ru/2014/06/11/> (дата обращения 10.12.2021).

⁹ Там же.

Рис. 3. Памятник крестителям Владимирской земли во Владимире. 2007 г. Скульптор С.М. Исаков

Единственной среди русских святых князей персоной, удостоившейся памятника еще в императорской России, был Владимир Святой. В новых скульптурных интерпретациях этой фигуры мы можем наблюдать воспроизведение как дореволюционного иконографического наследия, так и форм монументальной пластики советского времени. Примером обращения к последним служит памятник крестителям Владимирской земли (2007, скульптор С.М. Исаков) (рис. 3). Монумент должен был подчеркнуть древность города, якобы основанного не Владимиром Мономахом, как традиционно считается в историографии, а Владимиром Красное Солнышко¹⁰. Изображение Владимира Святого здесь отчасти воспроизводит формы московского памятника Юрию Долгорукому (1954, скульптор С.М. Орлов). Облаченный в доспехи князь восседает на боевом коне. Но жест его правой руки изменен – Владимир высоко поднимает древко стяга с образом Спаса Нерукотворного. Рядом с князем изображен шагающим с котомкой на плече Святитель Федор (первый епископ Ростовский, епископ Суздальский) в полном архиерейском облачении.

¹⁰ Новая дата основания города была предложена владимирскими краеведами с опорой на сведения поздних летописей (см.: К вопросу о дате основания г. Владимира: Сб. статей / Ред. С.В. Шевченко. Владимир: Местное время, 1992) и поддержана региональными властями и митрополиями.

Выше мы уже отмечали, что одним из наиболее очевидных атрибутов благочестия изображаемой персоны является крест. В наиболее удачных изваяниях его уместность может быть оправдана самыми значимыми, с точки зрения заказчиков и авторов скульптуры, фактами агиобиографии конкретного святого. Так, памятник князю Владимиру в Москве (2015, скульптор С.А. Щербаков) являет нам образ Крестителя Руси, близкий к тому, который знаком нам по киевской скульптуре П.К. Клодта 1853 г., – правой рукой князь удерживает-утверждает огромный крест. На монументе Александру Невскому возле Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге (2002, скульпторы В.Г. Козенюк, А.А. Пальмин, А.С. Чаркин) большой крест деликатно помещен на фасаде постамента. Такое решение, вероятно, связано с тем, что сама скульптура была в основном закончена В.Г. Козенюком еще в 1990-е гг.¹¹, когда князь еще воспринимался, в первую очередь, как полководец и правитель, а новые приемы подчеркивания его святости не утвердились в практике. Эта сторона персоны Александра Невского представлена в выполненных позже барельефах на боковых сторонах постамента: «Невская битва» (с единоборством князя и ярла Биргера, известным только по тексту Жития) и «Перенесение мощей Петром I в Александро-Невскую лавру» (оба 2005, скульптор А.А. Пальмин). Флотоводец Ф.Ф. Ушаков, чья канонизация в 2004 г. была связана не с утверждением и защитой христианства, а с личным благочестием, в мемориальной пластике показан в основном как герой морских сражений. Исключение составляет открытый в 2019 г. памятник в мордовском городе Темникове (скульптор Ю.В. Злота) (рис. 4). Здесь в правую руку Ушакова, изображенного в полный рост в военном мундире и накинутом на плечи плаще, вложен небольшой восьмиконечный крест (такой часто встречается на иконах святых), что иконографически соответствует его почитанию в лике «праведных воинов»¹².

¹¹ См.: Памятник Александру Невскому. Скульпторы: В.Г. Козенюк, А.А. Пальмин, А.С. Чаркин // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/692924> (дата обращения 13.12.2021).

¹² Основной мотивацией установки в Темникове памятника флотоводцу-святому к 200-летию со дня его кончины стало стремление руководства города вписаться в ориентированный на паломников туристический кластер «Арзамас–Дивеево–Саров». Идея была поддержана Российским военно-историческим обществом и осуществлялась на средства федерального гранта. См.: Зотиков В. В мордовском Темникове открыли памятник адмиралу Ушакову // Российская газета. 2019. 5 дек. URL: <https://rg.ru/2019/12/05/reg-pfo/v-mordovskom-temnikove-otkryli-pamiatnik-admiralu-ushakovu.html> (дата обращения 13.12.2021).

Рис. 4. Памятник Ф.Ф. Ушакову в Темникове. 2019 г.

Скульптор Ю.В. Злотя

Близок по иконографии к упомянутому выше конному памятнику Александру Невскому в Санкт-Петербурге монумент Дмитрию Донскому в Москве (2013, скульптор В.М. Клыков) (рис. 5). Как и его предок, Дмитрий поименован в надписи на постаменте «святым благоверным князем». Художественными средствами его святость выражена также имплицитно. На двух барельефах постамента изображены сцены благословения Дмитрия Донского преподобным Сергием Радонежским и поединок Пересвета с Челубеем. Оба сюжета присутствуют как в мирской биографии, так и в Житии князя. В правой руке Дмитрия – древко со стягом Московского княжества, на котором изображен «Спас Нерукотворный».

Иконный образ Спаса или Богородицы в новейших скульптурных композициях также служит маркером святости изображенного и благочестивого характера его жизни, на каком бы ее этапе он не был представлен. Так, в 2021 г. в Переславле-Залесском рассматривался очередной проект еще одного памятника Александру Невскому (не реализован, скульптор А.В. Чирков). Будущего святого предполагалось изобразить в четырехлетнем возрасте, сидящим на коне. Рядом с ним должны были стоять его родители. Отец – протягивать ему меч, а мать – благословлять иконой¹³.

¹³ См.: Антонов А. В Переславле хотят установить новый памятник Александру Невскому // Коммерсант. 2021. 4 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4673927> (дата обращения 13.12.2021).

*Рис. 5. Памятник Дмитрию Донскому в Москве. 2013 г.
Скульптор В.М. Клыков*

С иконой в руках изображен князь Владимир Мономах на памятнике в Смоленске (2017, скульптор И.Н. Чумаков) (рис. 6). Имя князя упоминалось в святцах с XVII в.¹⁴, но его почитание окончательно было подтверждено официально в 2011 г. при установлении празднования Собору Киевских святых¹⁵. Скульптурная иконография Владимира Мономаха еще только разрабатывается. Принесение в Смоленск чудотворной иконы Одигитрии и закладка первого городского собора принадлежат к числу тех поступков, которыми обосновывают его канонизацию¹⁶. Еще один символ особого статуса князя в истории русской государственности и церкви – «шапка Мономаха» с навершием в виде небольшого креста, венчающая его голову.

¹⁴ Романенко Е.В. Владимир (Василий) Всеволодович. О церковном почитании // Православная энциклопедия. Т. 8. М., 2004. С. 686.

¹⁵ См.: Собор Киевских святых // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1409335.html> (дата обращения 14.12.2021).

¹⁶ В Смоленске открыт памятник святому благоверному князю Владимиру Мономаху // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4999744.html> (дата обращения 14.12.2021).

Рис. 6. Памятник Владимиру Мономаху в Смоленске.
Фрагмент. 2017 г. *Скульптор И.Н. Чумаков*

Почти все изобретенные скульпторами приемы репрезентации святости изображаемого были использованы в мемориальном комплексе «Александр Невский с дружиной» в деревне Самолва Гдовского района Псковской области (2021, скульпторы В.Д. Шанов, Д.Д. Успенская) (рис. 7). Здесь и восьмиконечный крест в поднятой вверх левой руке Александра Невского, и изображения святых на стягах, кресты разнообразной формы и даже хризма (монограмма имени Христа) на щитах воинов. Всю композицию осеняет конструкция, представляющая собой нечто среднее между стягом и хоругвью с ликом Спаса Нерукотворного на полотнище. Одновременно скульптурная композиция включает и элементы, указывающие на воинский подвиг князя и его дружины и проводящие символическую параллель с Парадом Победы 1945 г. – три всадника (Александр Невский, его брат Андрей Ярославич и некий воевода) и шестеро пеших воинов попирают брошенные им под ноги шлемы, латы и знамена немецких рыцарей. Двойное назначение и смысл мемориала в данном случае эксплицированы предельно отчетливо. Вероятно, это было главной задачей скульпторов, ради решения которой принесены в жертву цельность формы и ясность силуэта.

Рис. 7. Мемориальный комплекс «Александр Невский с дружиной» в деревне Самолва Псковской области. Фрагмент. 2021 г.

Скульпторы В.Д. Шанов, Д.Д. Успенская

Особое место в современной мемориальной скульптуре занимают образы князей Бориса и Глеба, удостоенных почитания еще в средневековой Руси и имеющих давнюю иконографическую традицию. Они создаются с ориентацией на иконописные образцы, которые не требуют дополнительной символики. Так, парный конный памятник этим святым в Дмитрове (2006, скульптор А.И. Руквишников) не имеет никаких религиозных атрибутов. Парные пешие фигуры святых князей-страстотерпцев в Борисоглебске Воронежской области (2017, скульптор С.Г. Полегаев) установлены на постаменте, где только на передней стороне помещена доска с небольшим рельефным крестом и надписью «Святые благоверные князья Борис и Глеб».

Установка памятника как прелюдия возможной канонизации?

Как уже отмечалось выше, практика увековечивания деятелей русской средневековой истории начала развиваться в 1990-е гг., но тогда их образы еще не рассматривались преимущественно в па-

радигме благочестия и святости. Например, на широко известном по изображению на 1000-рублевой купюре памятнике в Ярославле (1993, скульптор О.К. Комов) князь Ярослав Мудрый представлен как основатель и защитник города, а также как распространитель книжного знания. Он изображен в виде стоящей фигуры, правой рукой опирается на меч, а в левой держит макет городских укреплений. На постаменте размещены рельефы с гербом Ярославля и сюжетами поединка князя с медведицей и работы над какой-то рукописью. В монументе нет ни вербального, ни символического намека на благоверие и благочестие князя. Получилось так, что после процедур установления Ярославу Мудрому церковного почитания, завершившихся в 2016 г. канонизацией¹⁷, данный памятник оказался вне актуальной традиции скульптурных изображений святых благоверных князей.

В начале 2000-х гг. в разных городах Центральной России было установлено несколько памятников Юрию Долгорукому¹⁸. Несмотря на различия в композиционном решении, все они представляют сугубо мирской облик князя, атрибутами власти которого являются княжеские плащ и шапка, а также большой меч. Юрий пока не канонизирован, хотя активная храмоздательная деятельность этого князя в Северо-Восточной Руси, казалось бы, дает для этого хороший повод.

В дальнейшем, когда канонизационные процессы приняли большой масштаб, приемы экспликации святости исторических деятелей прошлого стали переноситься и на изображения лиц, почитание которых еще не установлено, но которые могут быть его удостоены в будущем. Религиозными символами маркируются даже те персоны, против чьего церковного прославления открыто выступает Московский Патриархат. Наиболее показательна в этом отношении ситуация с увековечиванием в монументальной скульптуре царя Ивана Грозного. Первый памятник ему был открыт в Орле осенью 2016 г. Примечательно, что во время обсуждения проекта губернатор Орловской области утверждал: «Мы не собираемся вносить какие-либо изменения в историю, канонизировать Ивана

¹⁷ См.: Определение Освященного Архиерейского собора Русской православной церкви об общецерковном прославлении ряда местночтимых святых от 3 февраля 2016 г. // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4367765.html> (дата обращения 14.12.2021).

¹⁸ Памятники Юрию Долгорукому в Дмитрове (2001, скульптор В.М. Церковников), Юрьеве-Польском (2002, скульптор И.А. Черноглазов), Костроме (2003, скульптор В.М. Церковников).

Рис. 8. Памятник Ивану Грозному в Орле.
Фрагмент. 2016 г.

Авторский коллектив под руководством О.И. Молчанова

Грозного. Речь идет об основателе города Орла...»¹⁹ Вместе с тем проект скульптуры (авторский коллектив под руководством О.И. Молчанова) в процессе работы над ним претерпел заметную трансформацию. Государь-воин, созидатель Орловской крепости, приобрел и качества охранителя православия со всеми подчеркивающими двойную функцию этого образа атрибутами: царским венцом на голове, обнаженным мечом в левой руке, восьмиконечным благословленным крестом в правой, крупным наперсным крестом на груди и лестовкой на правом запястье (рис. 8). В речи на открытии памятника все тот же орловский губернатор назвал Ивана Грозного человеком, который «сохранил для нас с вами православную веру и не позволил никому посягать на нашу территорию»²⁰.

¹⁹ В Орле установили памятник Ивану Грозному // Lenta.ru. 2016. 3 окт. URL: <https://lenta.ru/news/2016/10/03/ivan/> (дата обращения 15.12.2021).

²⁰ С крестом и на коне – первый в РФ памятник Ивану Грозному открыли в Орле // РИА Новости. Религия. 2016. 15 окт. URL: <https://ria.ru/20161015/1479301739.html> (дата обращения 15.12.2021).

Памятник Ивану IV, открытый в декабре 2019 г. в Александрове (скульптор В.Н. Селиванов), скромнее по форме, в отличие от конного орловского монумента. Но стоящая на не очень высоком постаменте фигура царя свой нынешний вид также приобрела не сразу. На пути от эскиза до готового памятника образ Ивана Грозного, застывшего в довольно затейливой позе и указывающего перстом куда-то вниз, был дополнен атрибутами, подчеркивающими его личное благочестие и христианский характер власти. Царская шапка с меховой опушкой (так было в первоначальных вариантах) превратилась в увенчанный крестом «Мономахов венец», а грудь государя украсил крупный наперсный крест.

На открытии обоих памятников кроме представителей региональной и местной власти, церкви, патриотической и православной общественности, «царебожников» присутствовали и такие видные сторонники исторической и религиозной «реабилитации» Ивана Грозного и, одновременно, советских ценностей и ритуалов, как байкер Хирург (А.С. Залдастанов) и писатель А.А. Проханов. В описании события в Александрове владимирской журналисткой обращает на себя внимание и такая деталь: «После торжественных речей к памятнику подходили люди, которые крестились и возлагали красные гвоздики»²¹. В советское время цветок красной гвоздики был символом революции, и возложение букетов, корзин и венков из гвоздик считалось неотъемлемой частью коммеморационных ритуалов у монументов ее событиям, вождям и павшим борцам. Видимо, в глазах присутствующих Иван Грозный оказался в тот момент исторической фигурой, которой следовало отдавать почести как героическому «устроителю государства» и молиться как новоявленному святому, чья канонизация неминуемо и скоро должна последовать.

Если переиначить метафору Эрнста Канторовича [Kantorowicz 1957], то можно сказать, что монументы государственным и военным деятелям прошлого, которые уже удостоены святости или могут быть канонизированы в будущем, обладают «двумя телами» – историческим и сакральным. Оба тела соединяются в одно целое как в современных скульптурных образах, так и в пространстве церемоний, также имеющих двойные функции. Эта двойственность выражается не только в смешении в общественном сознании элементов светской и церковной коммеморации, советских, реконструируемых дореволюционных и новых, формируемых в пос-

²¹ Грыздова К. В Александрове торжественно открыли памятник Ивану Грозному // ПроВладимир. Культура. 2019. 9 дек. URL: <https://provladimir.ru/2019/12/09/vo-vladimire> (дата обращения 15.12.2021).

ледние десятилетия ритуалов. Она проявляется и в индивидуальном благочестии, в котором «святость» конкретной исторической персоны, официально утвержденная или существующая только в массовой мифологии, в представлениях некоего сообщества либо социальной группы, переносится на скульптурный образ. Так, у многих верующих стало принято креститься не только на храмы, но и на памятники святым, мирским знаменитостям, павшим воинам и на другие монументы.

Литература

- Захаренко 1957 – *Захаренко Л.Г.* История сооружения памятника «Тысячелетию России» в Новгороде // Ученые записки историко-филологического факультета Новгородского государственного педагогического института. 1957. Вып. 2. С. 57–82.
- Каганович 1982 – *Каганович А.Л.* Медный всадник: история создания монумента. М.: Искусство, 1982. 202 с.
- Мороз 2018 – *Мороз А.Б.* Зачем нужны памятники // Живая старина. 2018. № 2 (98). С. 41–44.
- Нора 1999 – *Нора П., Озуф М., Пуимеж Ж., де, Винок М.* Франция – память / Под ред. П. Нора. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 328 с.
- Радченко 2019 – *Радченко Д.А.* Бабы жарят крокодила: право на интерпретацию памятника // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2. № 1–2. С. 230–255.
- Kantorowicz 1957 – *Kantorowicz E.H.* King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957. 616 p.

References

- Kaganovich, A.L. (1982), *Mednyi vsadnik: istorija sozdanija monumenta* [The Bronze Horseman. The history of the creation of the monument], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Kantorowicz, E.H. (1957), *King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, USA.
- Moroz, A.B. (2018), "Why are monuments needed", *Zhivaja starina*, vol. 98, no. 2, pp. 41–44.
- Nora, P., Ozouf, M., Puymège, G. de and Winock, M. (1999), *Francija – pamjat'* [France the memory], Saint Petersburg University Press, Saint Petersburg, Russia.
- Radchenko, D.A. (2019), "The women a-frying a crocodile. The right to interpret a monument", *Urban Folklore & Anthropology*, vol. 2, no. 1–2, pp. 230–255.

Zaharenko, L.G. (1957), "History of the construction of the monument to the Millennium of Russia in Novgorod", *Uchenye zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta Novgorodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Works of the Historical and Philological Faculty of the Novgorod State Pedagogical Institute], vol. 2, pp. 57–82.

Информация об авторе

Людмила Б. Сукина, доктор исторических наук, доцент, Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН, Переславль-Залесский, Россия; 152021, Россия, Ярославская обл., Переславль-Залесский, Веськово, ул. Петра Первого, д. 4а; lbsukina@gmail.com

Information about the author

Lyudmila B. Sukina, Dr. of Sci. (History), associate professor, Aylamazyan Program Systems Institute of RAS, Pereslavl-Zalessky, Russia; bld. 4a, Petra Pervogo St., Ves'kovo, Pereslavl-Zalessky, Yaroslavl region, Russia, 152021; lbsukina@gmail.com